

УДК: 821/-9/82-32

Исламова Алла Каримовна,

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7-9, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ МАЛЫХ ЭПИЧЕСКИХ ЖАНРОВ В ЛИТЕРАТУРЕ АМЕРИКАНСКОГО РОМАНТИЗМА

Аннотация. Заданная тема разрабатывается на материале произведений В. Ирвинга, Э. А. По и Н. Готорна, представляющих художественную прозу эпохи романтизма в США. Системное изучение рассказов и новелл названных писателей позволяет составить динамическую парадигму малых повествовательных форм в американском романтизме, проследив их преобразования под влиянием целевых установок авторов, внутренних предпосылок литературной истории и внешних факторов современной социально-культурной среды. Дискурсивный анализ выявленных связей и закономерностей влечет за собой вывод о том, что активное развитие малых эпических жанров в творчестве американских романтиков было обусловлено необходимостью в построении формообразующих структур, способных нести богатое жизненное содержание и повышенную смысловую нагрузку в период становления национальной системы ценностей на уровнях общественного бытия и сознания.

Ключевые слова: американский романтизм, малые эпические жанры, В. Ирвинг, Э. А. По, Н. Готорн, символика образа, знаковые коды художественной условности

Романтический период в литературе США продолжался в течение первой половины XIX века и вошел в историю как эпоха утверждения ценностных приоритетов в эстетическом освоении национальной действительности. Научные исследования разных лет свидетельствуют о том, что именно в русле романтического направления складывались традиции, определившие своеобразие творчества американских писателей. К такому выводу

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

пришел, в частности, Ю. В. Ковалев, оценивая достигнутые в этом направлении результаты: «Романтизм относится к числу наиболее сложных, внутренне противоречивых и неспокойных периодов в американской литературной истории. Вместе с тем, трудно переоценить его значение. Здесь закладывались непреходящие традиции национальной литературы» [5, с. 287]. А. М. Зверев усматривал в романтизме залог народной идентичности американской литературы, которая снискала международное признание благодаря своей бытийной основательности и масштабности философских обобщений: «Американский автор не может довольствоваться изображением нравов или обыденности. Его дело – касаться серьезнейших, вечных проблем бытия, понимаемых в свете радикально нового исторического опыта» [4, с. 13]. В. С. Рабинович разделяет высказанное мнение, подчеркивая своеобычность жизненного материала и новизну его художественной интерпретации в произведениях американских романтиков: «В самом деле, американская культура первых десятилетий XIX века базировалась на идее новизны, более того – на беспрецедентности в истории американской цивилизации. И литература американского романтизма вобрала в себя метафизически приподнятый над реальностью образ молодой Америки» [9, с. 50]. В продолжение темы уместно заметить, что самобытность эстетического мышления американских писателей проявилась не только в оригинальных образах национальной действительности, но и в новизне жанрового обрамления складывающихся из них картин. В романтическую эпоху литературной истории США обновленческие тенденции затронули все сферы архитектоники жанров, включая малые эпические формы новеллы, повести, рассказа.

Одним из самых искусных мастеров малых повествовательных жанров был Вашингтон Ирвинг. Его перу принадлежат циклы романтических новелл, вышедших в свет в сборниках под названиями «Книга эскизов» (1819), «Брейсбридж холл» (1822), «Рассказы путешественника» (1824). Автор наполнил свои произведения богатым содержанием, запечатлев и реальные явления общественной жизни, и способы их первичного осмысления в культурном сознании на уровне народного мифотворчества. Однако стихийные фольклорные начала поведанных историй подчинены упорядочивающим правилам литературного письма, которые были характерны в целом для малых форм художественной прозы

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

в романтической литературе западных стран. Оценивая достижения раннего американского романтизма, К. Л. Бим называет В. Ирвинга в числе самых выдающихся представителей той поры: «Каждый из них способствовал подъему национальной литературы, выявляя такие проблемы и методы решения, которые вдохновили Эдгара Аллана По, Натаниэля Готорна и Германа Мелвилла на создание новых форм и средств писательского творчества в течение последующих десятилетий» [10, р. i-ii]. В. Ирвинг способствовал развитию американской литературы еще и потому, что разработал практические подходы к выполнению новых задач на основании исторической преемственности классического наследия независимо от его национальной принадлежности.

Писатель представил эталонные образцы продолжения и обновления традиций в собственном творчестве, обратившись к предшествующему опыту немецких романтиков и переосмыслив его применительно к запросам текущего времени и обстоятельствам социальной и культурной жизни своей страны. Общий конструирующий принцип малых эпических жанров был воспринят американским новеллистом через произведения Л. Тика, Новалиса, А. Арнима и К. Brentано, Я. Гримма и В. Гримма, Э. Т. А. Гофмана, А. Шамиссо. Базисный элемент данного заключался в разделении реального и идеального миров по подобию древнего мифа или волшебной сказки, где причины неведомых явлений возводились к сверхъестественным началам по ту сторону человеческого бытия. Вместе с тем, архаическая двухчастная модель дополнялась писателями соединительной конструкцией в виде стези познания, ведущей героя от дольных низовьев материальных субстанций к горним высям идеальных сущностей. Особенность дополненной структуры заключалась в прямой зависимости ее содержательных и формообразующих функций от способности персонажа пройти начертанный путь, выполнив свое назначение в качестве субъекта когнитивной деятельности в предоставленном ему художественном пространстве. В произведениях Новалиса (роман «Генрих фон Офтердинген») и Э. Т. А. Гофмана (повестки «Золотой горшок» и «Крошка Цахес») такие способности проявляют «аристократы духа», а «недостойные» высокой миссии теряются в губительных лабиринтах заблуждений, как, например, в новеллах Л. Тика («Белокурый Экберт», «Руненберг») или повести А. Шамиссо («Чудесная история Петера Шлемиля»). Следуя общим для немецких новелл

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

архетипическим предпосылкам и целевым установкам на освоение культурного наследия, В. Ирвинг воссоздает в своих новеллах мифологизированную схему романтического двоемирия, но только для того, чтобы преобразовать ее в целостную картину недавнего прошлого и современной действительности национального быта. Поставленная задача выполняется американским новеллистом за счет дискредитации мистических представлений о реальных вещах в процессе перехода героев от состояния неведения к вопрошанию об их истинном происхождении. В сравнении с произведениями немецких предшественников, В. Ирвинг придает пути познания более широкую перспективу, открыв ее не только для избранных, но для всех обладателей здравого смысла. В его историях умственный взор человека непременно освобождается от темной завесы иллюзий, если пробудившееся сознание обращается к реальности и стремится проникнуть в суть вещей сквозь фантастические видения, навеянные долгим сном. Тогда невероятные чудеса получают исчерпывающее объяснение, как это происходит в новеллах «Рип Ван Винкль», «Легенда о сонной лощине», «Дьявол и Том Уокер», «Дом с привидениями».

Приоритеты практического разума сказываются и на дальнейшем развитии малых повествовательных форм, задавая онтологические измерения жанровых структур и гносеологические ориентиры их когнитивных функций. С наступлением зрелого этапа американского романтизма заложенные В. Ирвингом тенденции рациональности нашли последовательное продолжение в новеллах и рассказах Эдгара Аллана По. Однако в них строгий рационализм в истолковании наличной действительности сочетается с романтическим символизмом в изображении ее неявных сторон, выходящих за пределы непосредственного опыта. В своем программном сочинении «Рукопись, найденная в бутылке» (1831) автор характеризует натурфилософию как причину «весьма распространенного заблуждения нашего века», а именно попытки «объяснять все явления, даже те, которые меньше всего поддаются подобному объяснению, принципами этой науки» [8, с. 26]. В контексте приведенного высказывания символические образы загадочных явлений в произведениях Э. А. По принимают значение художественной демонстрации, которая указывает на непроницаемость скрытой природы вещей для логики прямолинейных умозаключений.

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

чений. Наиболее примечательны в этом плане готически стилизованные новеллы о тяготении метафизических сил над человеческими судьбами. Включая образы-знаки в художественный мир произведения, писатель создает в нем обширное эпистемологическое пространство для восхождения мысли от вопрошания о жизни человека на земле к постижению универсальных истин вселенского бытия. По словам А. Г. Куинна, полисемические знаки художественной условности в новеллах Э. А. По выражают дерзновенное стремление автора «изведать верховные истоки человеческой души, проникнуть в цитадель духовной целостности мироздания и в отношения Бога и Его Вселенной» [11, р. 696]. В новелле «Метценгерштейн» (1832) земное инобытие абсолютных истин символизируют чудесный конь и сказочный гобелен; в «Лигейе» (1838) – неясные призрачные фигуры и невидимый источник смертоносных рубиновых капель; в «Падении дома Ашероу» (1839) – разрушающееся здание, остовы иссохших деревьев, мертвое озеро. Во всех случаях энигматические феномены предметов представлены как воплощения реальной силы, осуществляющей возмездие от имени всеобщего морального закона над теми, кто нарушил его. Рассказчик истории Ашероу подтверждает, что «все это способно чувствовать» и что «своими глазами можно видеть, как медленно, но с несомненностью сгущается над озером и вокруг стен дома своя особенная атмосфера, неодолимая и грозная сила, она веками лепит по-своему судьбы всех Ашероу, она и его сделала тем, что он есть» [7, с. 116]. Очевидно, главная особенность символьных кодов в новеллах Э. А. По состояла в том, что они давали ключ к пониманию единства мира, формируя сети смысловых коннотаций между его эмпирическими и метафизическими сферами в романтической картине всего сущего. Кроме того, итоговое подведение смысловых корреляций к всеобщности этических законов способствовало оживлению морально-дидактического направления в национальной литературе за счет упрочения его концептуального обоснования.

Э.А. По привносит этический принцип целостности бытия и в свои короткие рассказы, полагая его в качестве определяющего фактора причинно-следственных связей между событиями и обстоятельствами повседневного существования индивидов. В изображении автора моральная мера единства человека и внешнего целого дается здесь сознанию через посредство рациональной системы логики при условии, что она опирается

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

на непреложные факты опыта. В рассказе «Низвержение в Мальстрем» (1841) ценность практического разума в реальной жизни удостоверяется весомыми доводами, когда герой находит спасение от смерти не в насильственном сопротивлении бурному водовороту, но благодаря пониманию послания природы о действующих там физических силах. Практическая оценка рационального мышления дополняется прагматическими критериями его результатов в серии детективных рассказов Э. А. По – «Убийство на улице Морг» (1841), «Тайна Мари Роже» (1842), «Похищенное письмо» (1844). Из рассказов о раскрытиях преступлений против человечности следует, что успехи дознавателя отвечают высшим стандартам такого рода, поскольку герой использует аналитические способности своего ума в защиту справедливости и во благо всего общества. Выражая усиливающиеся прагматические тенденции в национальном сознании, писатель стремится придать им социальную направленность и моральную целеустремленность и в серии психологических рассказов о преступлениях и наказании в изложении и восприятии виновных лиц. В этот цикл входят рассказы «Черный кот» (1841), «Сердце-обличитель» (1843), «Бес противоречия» (1845), «Бочонок амонтильядо» (1846) и другие истории о неизбежном обращении зла против тех, кто его совершил в нарушение законов нравственности.

Аналитические рассказы Э. А. По составили новый этап развития малых прозаических жанров в творчестве писателя и в литературе американского романтизма. Помимо актуального жизненного содержания, их объединяют аутентичные формы организации текста, способные нести высокую смысловую нагрузку. В сравнении с готическими новеллами, аналитические рассказы Э. А. По обладают более гибкой жанровой структурой, поскольку она не замыкается на застывшей схеме легенды рока, а согласуется с развертыванием сюжета на линиях путей героев к поставленным ими целям. Динамика сюжетного движения обусловлена, в свою очередь, не столько внешними обстоятельствами, сколько внутренними мотивациями и активными действиями персонажей во имя того, что они полагают для себя дорогим и истинным. Закрепляя статус героя в качестве суверенного субъекта эстетической деятельности, Э. А. По оказал существенное влияние на становление национального типа литературного характера, обладающего свободой самоопределения и в жизни, и в искусстве.

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Важнейшим фактом и фактором развития малых эпических форм явилось творчество Натаниэля Готорна, представляющего, наряду с Эдгаром По, литературу зрелого этапа американского романтизма. Он также привнес в свои произведения идею самоценной личности и во многом способствовал ее укоренению в национальном сознании. Однако, признавая право индивида на независимый выбор, писатель выдвигает на передний план проблему моральной ответственности за принятое решение. Вопросы свободы и ответственности разрабатываются Н. Готорном в поле-горизонте романтического мировоззрения, где разделительная полоса между микрокосмом индивидуальной жизни и макрокосмом социальной и природной реальности теряется в метафизических далях общих для них идеальных сущностей. Трехединая модель мироздания служит концептуальной парадигмой для построения жанровых структур, в которых значения тождества всех частей извлекаются из морального опыта действующих лиц. Исследуя способы структурной организации текста в различных циклах рассказов Н. Готорна, американский литературовед Э. Лонсбери объясняет однородность созданных писателем форм общностью вложенного в них содержания: «Переписка Готорна свидетельствует о том, что он рассматривал объединяющую структуру этих задуманных циклов как центральную для понимания смысла вошедших в них произведений» [6, с. 142]. В новелле «Мой родич майор Молиню» (1832) единство вселенского замысла утверждается автором методом от противного, поскольку здесь скорый и неправый суд сограждан над неугодным им человеком описан как результат грубого и непоправимого нарушения универсальных законов всего сущего. Если в рассказе о гражданской казни майора Молиню этический идеал возвышается над эмпирией мирской жизни, то далее его личностное воплощение в практических деяниях и помыслах человека становятся центральной темой произведений Н. Готорна. В новелле «Молодой Браун» (1835) автор предупреждает о трудностях усвоения нравственных истин и объясняет возникающие преграды опасностями преобладания эгоцентрической самости над гуманистической сущностью индивида. Поддавшись искушениям демона эгоизма, заглавный герой новеллы сбивается с праведного пути, но именно на распутье он узнает от черного призрака собственного «я» сокровенную правду об имманентных истоках зла в самом себе в человеческом мире: «Вам будет дано проникать в

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

глубь сердец, туда, где гнездится тайна греха, неисчерпаемы источник злой силы, рождающий больше дурных побуждений, чем мог бы осуществить человек своей властью» [2, с. 67].

В рассказе «Уэйкфилд» (1835) проявляются очевидные признаки нового развития малых повествовательных форм в творчестве Н. Готорна. Автор переводит поиски истины и причин заблуждений из плоскости самонаблюдения индивида в область его отношений с другими людьми: «Среди кажущейся хаотичности нашего таинственного мира отдельная личность так крепко связана со всей общественной системой, а все системы – между собой и окружающим миром, что, отступив в сторону хотя бы на мгновение, человек подвергает себя страшному риску навсегда потерять свое место в жизни» [3, с. 78]. Выстраивая линейные структуры корреляций между внутренним миром и внешним окружением человека, писатель придает архитектонике своих произведений эпическую перспективу, которая позволяет исследовать актуальные проблемы ценности и моральности в связи с изображением общественных нравов в процессе их исторического становления. С наибольшей очевидностью введение социально-исторических координат художественного пространства сказалось на жанровых формах и смысловых содержаниях рассказов «Седой заступник» (1835), «Эндикотт и Красный крест» (1838), «Маскарад у генерала Хоу» (1838), «Древо свободы» (1841), «Итен Брэнд» (1950) и ряде иных произведений Н. Готорна того же жанра. Итоговым знаменателем этих рассказов является авторская мысль о преходящем характере общепризнанных норм нравственности и их относительной зависимости от системы гуманистических ценностей, вокруг которых складывается жизнь людей на различных стадиях социального и культурного развития. Любые попытки насильственного насаждения относительных этических понятий в качестве абсолютных моральных истин влечет за собой, по убеждению Н. Готорна, драматические конфликты и смертельные трагедии, подобные той, что была описана в рассказе «Майское дерево Мерри-Маунта» (1836). О несоизмеримости реального существования с абсолютной сущностью свидетельствует и рассказ «Родимое пятно» (1842), в котором история ученого педанта о воплощении совершенства в облике живого человека заканчивается гибелью злосчастной жертвы его бесчеловечного эксперимента. Тем не менее, в рассказе «Мастер

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

красоты» (1844) писатель вполне разделяет стремление художника к совершенствованию собственного искусства и сочувствует его желанию «достичь идеала, к которому стремится Природа в любом своем творении – впрочем не столь ревностно, чтобы идеал превратился в действительность» [1, с. 289].

Изображая эмпирический мир природы и общества как неотъемлемую часть морального универсума, Н. Готорн, подобно Э. А. По, активно использует полисемические свойства символов для того, чтобы запечатлеть целостную картину мироздания, включая его метафизическую сферу. Однако, вслед за В. Ирвингом, писатель вводит сказочную, мифологическую или фантазийную символику в свои произведения не в форме авторских кодов художественной условности, а виде феноменов индивидуального или коллективного сознания персонажей. В такой феноменологической репрезентации, развернутой, например, в новеллах «Видение в ручье» (1835) и «Чертог фантазии» (1843), символные образы-знаки выступают в качестве носителей нарождающихся смыслов и понятий о неведомых вещах на первичной стадии их освоения героями действия и повествования.

Новеллы и рассказы В. Ирвинга, Э. А. По и Н. Готорна составляют типологическую парадигму малых эпических форм, характерных для литературы американского романтизма. Единообразные черты данных форм обусловлены равнозначностью их онтологических, эпистемологических, историко-культурных и эстетико-художественных параметров. В онтологическое основание малых повествовательных жанров, созданных американскими романтиками, заложена дуалистическая концепция реального и идеального миров, а также связующий их принцип этической целостности бытия. Эпистемологическая перспектива жанровой архитектоники в исполнении названных авторов обращена на внешнее окружение, но исходит из поля зрения героя и расширяется по мере его продвижения по стезе жизненного опыта и умопостигаемого знания. Поскольку когнитивная деятельность героя осуществляется в пространстве запечатленной в образах национальной действительности, то его путь к истинам высшего порядка определяется в том числе и историко-культурной установкой на осмысление локальных явлений общественного бытия и сознания. Эстетическое оформление картины мира и человека в нем, развертыва-

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ющейся в жанровых структурах американских романтических новелл и рассказов, производится авторами посредством сочетания миметических и символических образов реальных объектов и мыслимых представлений о них.

Список литературы:

1. Готорн Н. Мастер красоты / Готорн Н. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. – Л.: Художественная литература, 1982. – С. 274-296.
2. Готорн Н. Молодой Браун / Готорн Н. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. – Л.: Художественная литература, 1982. – С. 56-69.
3. Готорн Н. Уэйкфилд / Готорн Н. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. – Л.: Художественная литература, 1982. – С. 69-79.
4. Зверев А. М. Американский романтизм / История литературы США // Гл. ред. Я. Н. Засурский. В 6-ти т. Т. 2. – М.: Наследие, 1999. – С. 13-51.
5. Ковалев Ю. В. Литература США на рубеже XVIII-XIX веков / История всемирной литературы / Гл. ред. Г. П. Бердников. В 8-ми т. Т. 6. – М.: Наука, 1989. – С. 287-303.
6. Лонсбери Э. Скучная культура, высокое искусство: Гоголь, Готорн и профессиональное писательство в России и Америке в XIX веке. – Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press, Библиоклассика, 2021. – 456 с.
7. По Э. А. Падение дома Ашероу / По Э. А. Полное собр. соч. в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2011. – С. 111-119. – URL: avidreaders.ru/read-book/polnoe-sobranie-sochineniy-v-odnom-tome.html?p=27 (дата обращения: 27.08.2021 г.).
8. По Э. А. Рукопись, найденная в бутылке / По Э. А. Полн. собр. соч. в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2011. – С. 26-32. – URL: avidreaders.ru/read-book/polnoe-sobranie-sochineniy-v-odnom-tome.html?p=27 (дата обращения: 27.08.2021 г.).
9. Рабинович В. С. История зарубежной литературы XIX века. – Екатеринбург, 2014. – 88 с.
10. Veam K. L. Romanticism in America: The Great Awakening. – Ann Arbor: University of Michigan, 1996. – 37 p.
11. Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. – New York, London: D. Appleton. – Century, 1941. – 884 p.